

САКЁ КОМАЦУ.
**ЧЁРНАЯ ЭМБЛЕМА
САКУРЫ.**
(МИР — ЗЕМЛЕ).

1988-020.

Мелькнула человеческая тень. Он машинально спустил предохранитель, прицелился и затаил дыхание. Впереди тихо покачивался колос мисканта. Высокая пожелтевшая трава зашуршала, заколыхалась, и оттуда высунулся крестьянин плутовского вида с обмотанной грязным полотенцем головой и вязанкой хвороста за плечами.

Тогда он поднялся и шагнул навстречу старику, держа наготове карабин.

Старик в ужасе шарахнулся. Испуганное лицо на миг исказилось злобой, но тут же стало непроницаемым. Тот подошёл вплотную.

— Жратва есть? — спросил он. — Я голоден!

Тусклыми, точно высушенная солнцем речная галька, глазами крестьянин смерил его с головы до ног. Под гноящимися веками снова вспыхнул злобный огонек.

Перед крестьянином стоял исхудалый мальчик в рваной, висевшей клочьями одежде. Его шею и тощие, как куриные лапки, руки покрывала чешуйчатая пыль.

— Ты чего карабином тычешь! — сердито пролаял старик. — Не японец я, что ли?

Парнишка опустил карабин дулом вниз, но на предохранитель не поставил.

— Ты где живешь? — спросил мальчик.

— Недалеко... за горкой, — ответил крестьянин.

— Мне жратва нужна! Сейчас поест и на дорогу.

Лицо крестьянина снова нахмурилось. Он злился. Ещё бы не злиться! Какой-то мальчишка ему угрожает, карабином в грудь тычет. Ещё покрикивает. Героя из себя строит. Добро бы действительно солдат был, так не так уж обидно, стерпеть можно, а то сопляк какой-то!..

— Ты что, один или с друзьями? — спросил крестьянин.

Мальчик покачал головой. Огляделся по сторонам.

— Один я. Меня в разведку послали. Вернулся. А наших всех перебили. А кто жив остался, видать, в горы подался.

— Всех поймали! — со злорадной усмешкой сказал старик. — Вон по той тропиночке спускались, задрал руки. Их лупили, подгоняли прикладами... даже раненых...

— Не может быть, чтобы всех... кто-нибудь уцелел.

— И ты зря прячешься... Все одно — рано или поздно схватят.

Щелкнул затвор. Крестьянин прикусил язык и взглянул на мальчика затравленными, налитыми кровью, как у быка, глазами.

— В Синсю проберусь к нашим, — упрямо проговорил мальчик, поджав губы. — Там ещё крепко держатся.

— В Синсю? — ехидно переспросил крестьянин. — А знаешь, сколько туда добираться? Все дороги охраняются.

— Ничего, без дорог, лесами, горами проберусь.

— Все одно сцапают, — тихо пробурчал старик и тут же, спохватившись, искоса взглянул на мальчика; потом добавил с осторожностью: — Сдавайся в плен... тебе же лучше будет.

Мальчик вскинул карабин.

Ну вот! Слова им не скажи — сразу на рожон лезут. Бешеные какие-то! Такому ничего не стоит пальнуть. И дают же им оружие в руки!

— Пре-датель! — прошипел парнишка сквозь зубы. — Из-за вас проиграли!

— При чем тут мы? — пробормотал старик и торопливо добавил: — И вы не виноваты... На их стороне сила. У них всего вдоволь. А у нас что? Ни одного самолета, ни одного...

— Это не поражение, — упрямо повторил мальчик. — Умереть в бою, не сдавшись врагу... Наши в Синсю будут держаться до конца!

— Тогда всех японцев перебьют.

— А что, по-твоему, лучше холуем быть, лишь бы в живых остаться? — Он говорил таким тоном, точно отчитывал первоклассника. — Даже ребята вроде меня сражаются в смертном бою. Эх, ты!.. А ещё взрослый!..

— Старуха у меня парализованная да дочка на шее, — ворчливо ответил крестьянин, — а вы-то что жрать будете, если крестьяне работать перестанут?

Но, увидев, что мальчик снова приходит в ярость, старик повернулся и, сказав: «Пойдем!», зашагал прочь.

Одиноким дом в долине. Тощая, с торчащими ребрами корова щиплет траву, на морде у неё выражение полного безразличия и покорности. Поля вдоль ущелья давно убраны, всюду, как великаны, высятся скирды рисовой соломы.

— А их нет? — подозрительно спросил мальчик.

Старик отрицательно покачал головой.

— Все до одного ушли... тут неподалеку... в соседней деревне, кажись, остался отряд...

Голос крестьянина заставил мальчика ещё больше насторожиться. С этим старым пугалом надо держать ухо востро.

— Мать, это я! — крикнул крестьянин.

Вблизи дом казался большим. По двору бродили куры. Пахло перегноем и свежей соломой.

От одной мысли о яичнице рот переполнился слюной.

В доме кто-то заворочался. Старик вошёл внутрь и с кем-то заговорил вполголоса. Парнишка разглядел уставившиеся на него выцветшие старческие глаза. Старик успокаивающе говорил: «Ничего, обойдется», а старуха требовала гнать оборвыша в шею.

Он сел, вытер пот. Еле сдерживался, чтоб не уснуть. Сон одолевал его.

— Сейчас приготовлю поесть, — сказал старик приветливым голосом. Он прошёл в кухню, неслышно ступая по земляному полу. — Дочери дома нет, я дам тебе пока холодного рису.

— Ладно, все равно.

Урчало даже в горле. Шутка ли сказать: вторые сутки ничего в рот не брал. Так и спать недолго.

— Замори покамест червячка, а к вечеру курочку зарежем. Переночуешь у нас, утречком уйдешь себе...

— Оставь! Ни к чему это, — сказал мальчик, недоверчиво вслушиваясь в еле слышимый голос старика. — Съем рис и на дорогу возьму немного. Курицу резать жалко!

— Чего её жалеть. Старенькая. А то ещё им достанется.

— «Им» достанется не за так, а в обмен на что-нибудь.

Старик расхаживал по кухне и сладко ворковал:

— Ты наедайся, наедайся, а то до Синсю не доберёшься.

Рисовая каша, тушеные овощи, яйца, вяленая рыба.

Он знал, много есть опасно — расстроится желудок, так и умереть не долго, но остановиться не мог. Он отхлебнул зеленого чая, с трудом подавив в себе желание есть ещё, набить желудок до отказа. Голод в нём сидел, как бес. Проклятый червь скребся не только в кишках, но и во всем теле, до кончиков пальцев.

Послышались шаги. Мальчик машинально схватил карабин. Старик глянул искоса и процедил: «Это дочка моя!» Потом вышел во двор. Не выпуская из рук карабина, мальчик подкрался к окну. Со двора доносился женский голос и торопливый глухой голос старика. Говорили на местном диалекте. Казалось, о чем-то спорили.

Вдруг на миг к окну прижалось плоское женское лицо и тут же исчезло. Легкие удаляющиеся шаги затихли за домом. Тяжелой поступью в комнату вошёл старик, насупленный, мрачный, но, встретившись глазами с мальчиком, деланно улыбнулся.

— Не слушает дочка отца... Да ты ложись, ложись, поспи...

Даже из упрямства не было сил держать глаза открытыми. Желудок отяжелел, усталость сковала ноги, руки.

— Поспи, а я пока баньку приготовлю.

— Какую ещё баньку? — нахмурился мальчик.

— Помыться тебе надо, смотри, какой потный, грязный.

— Ничего не надо. Понял?

Веки слипались сами собой. Последним усилием воли он крепко сжал одной рукой карабин, другой — пистолет и заснул тяжелым свинцовым сном там, где сидел.

Проснулся от боли в животе: это было возмездие за обжорство. Солнце зашло, в полумраке комнаты при свете угасающего дня виднелись очертания предметов. В кухне — никого, в комнате — темнота. Мальчик окликнул старика, хотел спросить, где уборная. Никто не отозвался, только в глубине комнаты заворочалась парализованная старуха.

Мальчик, взяв карабин, поплелся во двор. Обогнул дом. В глубине заднего двора нашёл отхожее место. Пронесло страшно.

«Если старик к ужину зарежет курицу, все равно буду есть. Подумаешь, понос! Идти, правда, будет нелегко, но ничего, от курятины не умирают. Куда же делся этот старик?»

Мальчик вышел. Вдали слышался гул. Не придав этому значения, мальчик обследовал дом с задней стороны. В пристройке горел свет. Проходя мимо, мальчик взглянул в окно. Мелькнуло что-то розовое и красное. Он задержал на минуту взгляд. На стене висели два платья: розовое и красное.

Сидевшая перед зеркалом девушка испуганно повернула голову. Сильно напудренное лицо, подведенные брови, накрашенные губы. Девушка смутилась, точно застигнутая врасплох, отвела взгляд. Она хотела улыбнуться, но при виде его сурового лица ещё больше смешалась.

В углу комнаты стояла раскрытая коробка. А в ней аккуратно сложенные вещи: пачки сигарет, лимонная эссенция, печенье. Из довольствия врага.

— Вы... — девушка запнулась, голос у неё был хрипловатый.

— Так вот кто сюда шляется! — прошипел парнишка.

Девушка, точно приняв какое-то решение, прервала его:

— Уходите! Сейчас же!!! Сегодня они не собирались приходить, но отец... мог...

Не dokonчив фразы, она прислушалась.

— Значит, ты любовница врага! — вырвалось у него.

Он был слишком молод, чтобы делать различие между мужчинами и женщинами. Его мать покончила с собой, перерезав горло. Сестра скорее всего погибла при бомбежке. Единственное исключение он делал для солдат, попавших в плен ранеными. Ведь с ним это могло случиться. Но женщина, позволившая врагу осквернить себя, ничего с собой не сделавшая после этого, не наложившая на себя руки... Он выхватил пистолет, сам не зная ещё, решится ли на что-нибудь. Девушка побледнела, глядя, как он судорожно и бездумно ищет пальцем предохранитель. И вдруг она разразилась гневом:

— Дурак! — крикнула она.

Эта неожиданная вспышка заставила его отступить. Он дрожал от ярости, однако, натолкнувшись на ответную ярость, на секунду поколебался. На миг он сопоставил светлый образ

матери, по его мнению, идеал женщины, с этой девкой, которая, точно взбесившаяся корова, обрушила на него свой гнев.

Вдруг послышался шум мотора. Парнишка испуганно оглянулся. Затарахтели выхлопы, закрипели тормоза, и машина остановилась. Чужая, режущая слух речь смешалась с тяжелой поступью многих ног. Девушка одним прыжком очутилась в углу комнаты, схватила коробку с довольствием и сунула мальчику.

— На! Беги! — сказала она. — Леском можно пробраться в горы!

Он побежал. Сзади раздался крик. Мальчик обернулся: возле окна пристройки стоял старик, указывая рукой ему вслед, другой рукой старик держал за шиворот дочь и тряс её. Прежде чем прожектор нащупал мальчика в темноте, он обернулся и разрядил пистолет. Девушка, словно мешок, осела рядом со стариком. Тут же ударила автоматная очередь. Мальчик spryгнул в неглубокую ложбинку и пополз в сторону. Он сунул пистолет в кобуру и сдернул с плеча карабин. Сорвал гранату, подвешенную к плечу, зубами рванул предохранитель.

— Come out! (¹)

В промежутках между очередями автомата орали чужие сытые глотки.

— Не уйдешь! Стой! Соппротивление бесполезно! Выходи!

¹ Выходи! (англ.).

Он знал английский настолько, чтобы разгадать значение слов, хотя у преподавателя в гимназии было скверное произношение. Не переставая ползти, мальчик на глаз измерил расстояние до солдата с прожектором. Расстроенный желудок выматывал силы. Улучив момент, когда прожектор направили в другую сторону, он размахнулся и швырнул гранату. В тот самый момент, когда прогремел взрыв, он спрыгнул с небольшого обрыва и бросился бежать к лесу у подножия горы. По ту сторону холма бешено застрекотали автоматы. Добежав до леса, он юркнул в бурьян. перевел дыхание. В животе урчало, началась резь. Коробку с довольствием он где-то обронил. Голоса и выстрелы отдалились, воздух наполнился гудением насекомых.

...Ни одного утешительного сообщения. Ни на одном участке ничего не обнаружено.

— Участок 1805! — вызвал начальник департамента.

Из усилителя послышался неясный голос:

— Пока никаких новостей.

— Поторопитесь! — приказал начальник, стиснув зубы. — Надо спешить, пока не случилось беды. Трагедия может повториться!

— Есть спешить!

— Людей вам подбросить?

— Нет, обойдемся.

Голос умолк. Начальник нервно похрустел пальцами. Сумасшедший продолжает нагромождать одно преступление на другое. А они даже не знали, где он, этот бешеный.

Вдруг вспыхнул сигнальный огонек вызова. Начальник вскочил с места.

— Важное сообщение, начальник! — объявил голос.

Послышался нарастающий гул мотора. Парнишка уткнулся в траву. Здесь, в горах, она редкая, короткая — ничего не стоит заметить человека сверху. Он выпрямился и одним махом юркнул за выступ скалы. Из сырой расщелины выползла огромная сколопендра. Схватив её двумя пальцами возле головы, парнишка разможил ей голову камнем. Жаль, масла нет, из неё получилось бы отличное лекарство.

Над головой с диким рёвом пронёсся темно-зелёный самолет. До него было метров пятьдесят, не больше. Выхваляется, сволочь! На крыльях четко вырисовывались белые звезды, рыло тупое, точно лоснящийся жирный нос. Самолет сделал круг над вершиной и повернул обратно. Неужели засёк?

Пролетая над вершиной, самолет накренился, вот-вот коснется скалы. Был виден летчик в жёлтом шлеме, он смотрел вниз, высунув за борт сияющее розовое лицо. Казалось, до него можно дотянуться. Руки крепче сжали карабин. У, гад! Пальнуть бы по нему! Но если промах, тогда конец! На голой горе нигде не укроешься. Вспомнилось, как обучали стрельбе из карабина по самолетам. Можно со смеху лопнуть!.. Целься в небо — ха! точно по воробьям стрелять учили...

Самолет с авианосца педантично готовился сделать новый круг. Тонкий стройный корпус, уходящие назад, как у чайки, крылья — самолет класса «корсиа». У изгиба крыла устрасюще чернело дуло двухдюймовой автоматической пушки, а под брюхом висела бомба килограммов на двести пятьдесят... Гад, гад, гад!.. Хоть бы один свой истребитель... Самолет, круто задрав нос и сверкнув ярким лезвием фюзеляжа, взмыл вверх, туда, где плыли перистые облака. Вдруг отчетливо донеслось пение птицы. Мальчик поднялся и сделал шагов сто к седловине вершины. В горле пересохло, кружилась голова. Стоял ясный, погожий день бабьего лета. Даже зло брало, какая тихая погода!

Достигнув вершины, мальчик присел на камень, вытер пот, сделал последний глоток из фляги. Болел живот, всё ещё не-сло. Интересно, сколько осталось до Синсю? Мальчик сдвинул брови, прикинул в уме. Он случайно взглянул за седловину, перед глазами блеснуло море. Откуда море? Верно, озеро?

Нет. Все-таки море; чуть ниже горизонта скользил чёрный длинный силуэт — авианосец!

Разумеется, вражеский. Все японские военные корабли, и «акаги», и «танкаку», и «секаку», и «синано», давно пущены на дно. У островов японского архипелага не осталось и следа от боевых кораблей императорского военно-морского флота, некогда приводившего в трепет весь мир. Ходили слухи, что несколько покалеченных легких крейсеров скрывается в Японском морс, но их тоже потопят — это вопрос времени.

Что за чушь! Откуда здесь море?... Неужели он сбился с дороги? После того как его чуть не накрыли в доме крестьянина, он шёл только с наступлением темноты. Ночи стояли безлун-

ные, ориентироваться приходилось по звездам, но какой они ориентир в горах: он постоянно сбивался с пути. Горы тянутся на восток, значит море на юге. Что же это за море? Придется поискать какое-нибудь человеческое жилье и узнать. Пожалуй, на этот раз лучше припрятать карабин и прикинуться бездомным сиротой. Обидно все-таки! Прятаться в своей собственной стране! На петлицах его формы ещё имеются чёрные эбонитовые знаки отличия — цветок сакуры. А это значит, что он боец императорского отряда обороны. Он потрогал значок рукой и посмотрел на небо.

Стояла осень. В воздухе носились паутинки. Кончался октябрь. Ещё месяц, и все покроется инеем. До этого необходимо добраться до Синсю. Это самая гористая местность Японии. Там ещё сражаются десять дивизий. Главная ставка уже давно перенесена туда, в город Нагано, и его величество там.

— Все равно доберусь! — сказал мальчик вслух.

Слова тут же унесло ветром. Вдруг его охватило чувство дикого одиночества. Желтые, соломенные лучи солнца, горные массивы, расцвеченные багряными кленами. И уходящая в бесконечную даль горная цепь с поблескивающим в проемах морем. И он один, сбившийся с пути, голодный, измученный, между небом и землей, на вершине какой-то безымянной горы, открытый солнцу и ветру.

— Обнаружен! — кричал начальник департамента в трубку всем членам поисковой группы, рассеянными по разным участкам.

— Всем бригадам, начиная от бригады DZ и до бригады MU включительно, переправиться на участок LSTU-3506! Осталь-

ным бригадам оставаться на местах и продолжать поиски. Как только все бригады, от DZ до MU, придут на место, установить взаимную связь и объявить осадное положение.

— Докладывает бригада QV... — раздался едва слышный голос.
— Участок XV-6517 реагирует на сигналы.

— RW! Алло! RW! Окажите помощь QV! Повторяю, окажите содействие QV!

— Говорит RW, говорит RW! Вас понял!..

Итак, дело подвигается. В двух местах уже засекли. Интересно, есть ли ещё где-нибудь? На участке LSTU обнаружили совсем случайно, благодаря сообщению внеучасткового сотрудника. Кто мог предположить!.. Значит, надо искать всюду... Этот психопат черт его знает что может натворить, если не обнаружить его самого.

— До сих пор никак не найдут! — уже вслух проговорил начальник.

Примерно 10 августа пронёсся слух, что война проиграна. О применении нового смертоносного оружия — сверхмощной бомбы — слышали все. Об этом с осторожностью сообщалось в газетах. Говорилось, что такую же бомбу бросили в Хиросиме, но она не взорвалась и теперь изучается военным ведомством.

14 августа налета не было. Под палящими лучами солнца мальчики шли из общежития на завод, где производилось новое оружие. Ребята гордились, что участвуют в создании нового оружия, хотя ничего о нем не знали, кроме названия: человек-торпеда. К вечеру пошли слухи, что завтра в двена-

дцать часов ожидается важное сообщение и выступление по радио самого императора. Газеты подтвердили этот слух, и учитель с подобающей такому случаю торжественностью сообщил им об этом.

15 августа опять выдался жаркий день. Снова ни одного налета. Незадолго до двенадцати часов возле огромного станка в цехе собралась толпа: под станком находилось бомбоубежище, правда не очень надежное. Радиоприемник трещал, ничего нельзя было разобрать.

В двенадцать часов две минуты голос диктора произнес:

— Назначенное на двенадцать часов выступление его императорского величества, — тут защелкали каблуки: все вытянулись по стойке «смирно», ввиду особых обстоятельств переносится на четырнадцать часов. Не отходите от приемников — сейчас будет передано важное сообщение.

Все ждали. Минуты три длилось молчание, потом в приемнике снова затрещало, и из него полились бравурные звуки «Песни ударного отряда»: «Врагов десяток тысяч я выведу из строя и жизнь отдам взамен». Потом исполнили «Песню мобилизованных студентов» и «Марш победы».

— Простите, что заставили напрасно ждать. Передача важного сообщения переносится на четырнадцать часов. Просим в четырнадцать часов включить радио.

Все взволновались. Работа не ладилась. О предстоящем сообщении высказывались самые противоречивые мнения. Учитель ходил по рядам, подгоняя мальчиков, но и это не помогало. Все вдруг поняли: работать бессмысленно. Это было

страшнее всего. Сборочный цех разбомбили, токарный засыпало битым кирпичом. Правда, из литейного потоком шло литье, но в станочном не было станков: ни двенадцатифутовых токарных, ни фрезерных, ни револьверных, так что обрабатывали одну мелочь. Обработанные детали складывали прямо во дворе, ведь сборочного цеха больше не существовало.

Передачу перенесли с двух часов на три.

В три почему-то заиграли «Марш скорби»: «Выйдешь в море — трупы в волнах...» Все растерялись. Перед тем как высочайший голос прозвучит в эфире, надлежало исполнять государственный «Кимигайо».

— Простите за вынужденное ожидание. По особым обстоятельствам выступление его величества отменяется. Слушайте важное сообщение. Сегодня на рассвете во время экстренного заседания Тайного Совета в результате несчастного случая погибли и получили тяжелые ранения члены кабинета министров, старейшины: премьер-министр генерал Кантаро Судзюки...

Далее следовали имена погибших и раненых.

— Это конец! — тихо произнес кто-то.

Все обернулись. Сзади стоял призванный по трудмобилизации рабочий лет сорока, он был бледен.

Погибли министр военно-морского флота Йонай, министр двора Кидо, председатель Информационного бюро Ситамура и многие другие. Остальные были тяжело ранены.

— На заседании присутствовал его величество император, — продолжал диктор, — но благодаря милости небес высочайшая плоть не пострадала.

Все заволновались. Самые легкомысленные восторженно закричали «банзай», человек десять подхватило, но без воодушевления. Потом голоса стихли.

— Полномочия премьер-министра временно взял на себя военный министр Анами. Сегодня ночью будет сформировано новое правительство... Через минуту вы услышите речи временного премьера генерала Анами, а также начальника Главного штаба военно-морских сил Тоега.

Премьер-министр Анами заговорил скорбным голосом. Священная родина богов непобедима, послужим ей, исполним свой великий сыновний долг, дадим решительный отпор врагу на нашей территории. Подданные, сплотитесь ещё теснее, будьте готовы принять смерть у подножия трона высочайшей особы его величества.

Выступивший вслед за премьером Тоега сказал: для того чтобы дать врагу решительный бой, необходимы сплочение всех сил, мобилизация всех ресурсов. Все данные и расчеты свидетельствуют о неукоснительной и обязательной победе войск его величества.

По выступлениям можно было догадаться, что именно произошло. Не случайно ведь остался невредимым военный министр. Не случайно уцелел и император. Почти весь народ догадывался о причине происшедшего. Догадывался, о чем сказал бы в своей речи его величество. Народ, приученный не протестовать, как всегда, молчаливо принял новый каби-

нет министров. Народ запел «Реформа Сева». Песня эта была в моде лет десять назад. Теперь её вспомнили и запели. Ее можно было понять двояко: и как одобрение нового правительства и как осуждение его. И свыше был дан указ запретить петь эту песню. И все же нет-нет да кто-нибудь замурлычет её в перерыве.

16 августа возобновились бомбежки. Массированные и длительные. Весь промышленный район приморья был полностью уничтожен, шесть крупнейших городов Японии, за исключением Киото, превратились в руины.

Работать было негде. Заводов не стало.

Ребят погнали строить укрепления на побережье. Тем временем Советская Армия ураганом пронеслась с севера на юг Маньчжурии и отрезала Квантунской армии путь к отступлению у маньчжуро-корейской границы. Через несколько дней из гимназистов сколотили особый отряд обороны империи, и началась муштра. Каждому хотелось, чтобы отряд назывался «Бяккотай», но так назывался отряд юношей, выступивших за сегунат, против императора ⁽²⁾. И назвали его отряд Черной Сакуры.

В отряд брали только добровольцев от пятнадцати до восемнадцати лет. Большею частью тут были пятнадцатилетние.

² Речь идет о событиях 1868 года, так называемой «Революции Мейдзи», японской буржуазной революции. Сегунат, военно-феодалная диктатура, столп феодализма в Японии, был свергнут, «восстановлены» права императора. к власти пришла буржуазия, договорившаяся с крупными аристократами-земледельцами. «Бяккотай» («Отряд белых тигров») — один из отрядов добровольцев-юношей, выступивших на стороне сегуната. (Прим. ред.).

Ведь им представлялась возможность принять участие в настоящей войне, с настоящим оружием.

— Иди! — решительно сказала ему мать. — Сын военного должен быть достоин имени отца.

В эвакуации они жили в чьем-то доме, на втором этаже. В полумраке комнаты на фоне домашнего алтаря лицо матери казалось особенно торжественным. Отец погиб на войне, не дослужившись даже до майорского чина, но зато мать была дочерью генерал-майора.

— Сын мой, за меня ты можешь быть спокоен.

Она достала меч, оставшийся после отца, изделие древних мастеров Сосю.

— В критическую минуту... я думаю, ты и без меня знаешь, как тебе следует поступить с собой.

В первом же ночном бою из восьмидесяти человек вернулись живыми семнадцать. Меч так и не пришлось ни разу вытащить из ножен: его разнесло в щепки осколками снаряда. На душе полегчало, словно с неё свалился камень. К тому же этот чертов меч уже давно не воспринимался как память об отце. Видимо, ещё раньше в нем самом что-то умерло. Единственное, что осталось в душе, это нежелание свыкнуться с мыслью о поражении, — думать об этом было слишком уж горько.

В начале сентября между полуостровом Сацума и южным побережьем Сикоку показались американские корабли. Значительно раньше, чем их ожидали. В «нихякутока», в двести десятый день года, время, когда над Японией проносятся ураганы, уничтожающие посевы, на корабли противника налетели

истребители-смертники. Однако под защитой превосходящих воздушных сил вражеские корабли спокойно отступили на запад, затем, когда опасность для них миновала, вернулись.

В середине сентября у города Теси появились другие корабли американцев, пришедшие с Гавайских островов. Они разделились на две группы: одна направилась в Токийский залив, другая — к берегам Идзу.

Ребята молча смотрели, как истребитель с иероглифами «као» на фюзеляже поднялся в воздух и исчез в южном направлении. Вероятно, в этой машине, словно специально предназначенной для самоубийства, их старший товарищ, уже безразличный ко всему, шёл навстречу смерти. Всякий раз с появлением в воздухе этих самолетов-смертников с авианосца противника в небо взмывало звено истребителей. И на глазах мальчишек японский сигарообразный самолет, изрыгая рыжее пламя, накренился и падал вниз. Прежде чем он врезался в воду, раздавался взрыв, поднимался высокий столб воды.

Иногда со стороны моря доносился далекий гул орудий, похожий на отдаленный гром.

— Должно быть, бомбардировка с кораблей, — произносил кто-нибудь в окопе.

Остальные молчали, сжавшись в комок.

Они были вооружены карабинами устаревшего образца да двадцатью патронами. Окопы были защищены мешками с песком. Но останется ли что-нибудь от этих позиций? В какую кашу превратятся эти десять шестидюймовых гаубиц, пять

восьмидюймовых полевых орудий да несколько станковых пулеметов и противотанковых ружей, если по ним шарахнут шестнадцатидюймовые корабельные орудия «Миссури» или «Айовы»?

Мальчишки сидели, сжавшись в комочек, не высказывая своих опасений. Говори не говори — ничего от этого не изменится. Они потеряли всякое представление о войне, о смерти, о возможных потерях, и не было у них сил представить себе все это. Знали одно: сегодня обед состоит из комочка риса с соевым жмыхом да двух ломтиков горькой редьки.

Тупо, равнодушно смотрели они, как на небесной глади поблескивали эскадрильи Б-29, направлявшиеся бомбить города. Забыв жару, усталость, голод, ребята упивались этой суровой и строгой красотой. Вдруг небо прорезала полоска белого дыма. Дым ещё таял в небесной лазури, когда донесся глухой отдаленный треск и один бомбардировщик Б-29, перекувырнувшись в воздухе, стал падать. Началось сдержанное ликование. Кто-то сообщил, что это и есть ракетный снаряд «сюсуй». Всем хотелось узнать о нем поподробней, но толком никто ничего не знал.

А как-то раз, когда над ними кружили вражеские самолеты с авианосца и мальчишки, прижавшись к земле, сидели в замаскированном окопе, вдруг кто-то завопил:

— Самолет задом наперед летит!

Все посмотрели вверх. Самолет с уходящими далеко назад крыльями, с ярко-красным изображением солнечного диска на фюзеляже скользил в воздухе, почти касаясь земли. Доле-
тев до моря, он круто взмыл вверх. Имея преимущество в

скорости и маневренности, он в одиночку вступил в бой со звеном «граманов». И тут же сбил двоих. На этот раз все завыли от восторга. Все в один голос повторяли одно слово: «Классически!» Сбив две вражеские машины, этот невиданный самолет, словно поддразнивая врага, отказался преследовать остальные машины и исчез.

Некоторое время только и было разговоров, что о новом самолете. Каждый день ждали его появления в воздухе. Думали, вот-вот мелькнет его быстрая, стремительная тень. Но вместо этого пришли вести о флотилии неприятеля, продвигающейся на север к Суйдо.

Как всегда, эскадрилья шла под прикрытием истребителей. Возле Суйдо навстречу им поднялись два истребителя-смертника. Вероятно, тыловой аэродром был уже основательно разгромлен.

Все застыли в своих береговых укреплениях, когда вражеские корабли проходили мимо. Затаив дыхание, побледнев от страха, смотрели они на линкоры класса «Айова», тяжелые крейсера и суетливо вертевшиеся вокруг них эсминцы.

«Кто же атакует вражеские корабли, какие самолеты — «сакурабана», «татибана» или «кайтэн»? Но атаки не было: флотилия беспрепятственно прошла мимо и исчезла. Вскоре издалека донесся глухой грохот, к небу поднялось множество белых облачков. Корабли бомбардировали город О.

Когда вражеская флотилия на обратном пути проходила мимо, с холма по ней ударило орудие. Кто-то крикнул: «Идиоты! Что делают!»

Вытянувшись в цепь, корабли развернулись бортом к берегу. От первого же залпа двух линкоров батарея умолкла. Корабли врага, точно забавляясь, повернулись другим бортом и ударили двумя перекрестными залпами: слева направо и справа налево. Снаряды легли где-то сзади, но от взрывной волны мальчишки оглохли и ослепли. Когда они подняли свои землисто-серые лица, флотилии и след простыл. Стояла гробовая тишина. Лишь слышно было, как кто-то, не то раненый, не то тронувшись от пережитого, заунывно плакал высоким детским голосом.

Не успели передохнуть, как был получен приказ выступить: километрах в пятидесяти на безлюдном побережье высадился вражеский десант и теперь находился в тридцати километрах от них.

Мальчик поднялся и стал спускаться по выступу седловины. Должна же где-то быть тропинка! Надо было найти человеческое жилье и набить желудок. Солнце клонилось к закату, но жара не унималась. Коснувшись ногой выступа скалы, парнишка случайно взглянул на свои башмаки и похолодел от ужаса: они вот-вот развалятся. Долго им не выдержать!

— Второй, третий, четвертый взводы, вперед!

— Третий взвод, в цепь!

На холмы, возвышавшиеся по обеим сторонам белеющего шоссе, втащили станковый пулемет и противотанковое орудие. Трясущимися руками спешно маскировались. Прорвав линию фронта, большой вражеский отряд пехоты продвинулся вперед и находился в двадцати километрах. Японский танковый батальон застрял где-то глубоко в тылу. Было неясно, за-

чем оказывать сопротивление противнику именно здесь, почему не отойти на более выгодные позиции, прикрывая отход артиллерией. Но так решило командование: дать бой именно здесь. Казалось, ими жертвовали как пешками. У всех были бледные лица, воспаленные глаза. Но ещё хуже пришлось ребятам из второго, третьего и четвертого взводов. Те должны были окопаться у самой обочины шоссе, чтобы встретить врага гранатами. И не только бросать гранаты, но и самим бросаться в обнимку с противотанковыми минами под вражеские танки. Тощие, изможденные гимназисты спускались по откосам холма, еле волоча ноги. С землистых, серых лиц градом струился пот. Что-то мягко шлепнулось: один из гимназистов упал, потеряв сознание. Командир взвода, старшеклассник, подбежал и ударил упавшего по лицу.

Какое счастье, что он не попал в эти подразделения: всего за два человека перед ним стоял последний, отобранный в это подразделение.

У обочины показалась тень.

— Не стрелять! — раздалась команда. — Свои!

Еле волоча ноги, приближался отряд. От пыли и грязи люди казались чёрными. Даже издали было видно, что они вконец измотаны. Двух раненых несли на спине. У одного из них голова была перевязана окровавленным бинтом. Вдруг из последнего ряда выскочил солдат и, выбежав вперед, истошно завопил:

— Танки!

Несколько человек бросились на него. Но солдат продолжал отчаянно вопить:

— Танки! Танки! Танки!

Издалека донесся нарастающий гул. Внезапно застрекотали кузнечики и тут же умолкли. Он прижал к плечу приклад ручного пулемета и вдруг почувствовал, как под штаниной вниз по ноге поползла теплая липкая жидкость.

— Докладывает группа FT. Цель запеленгована!

Долгожданная весть, наконец, пришла.

— FT! Алло! FT! Слушайте внимательно! Координаты цели сообщите в Главный штаб и по всем участкам.

— FT понял. Передаю координаты цели.

Вскоре раздался свист вычислителей. Весь аппарат Главного штаба пришёл в действие.

— Говорит Главный штаб. Бригадам от DZ до MU направиться в помощь FT. FT! FT! Вам посланы две боевые машины. Они в пути. Сообщите свое местонахождение в течение ближайших сорока минут. Бригадам из группы E и G, находящимся вблизи от бригады, оказать содействие в установке переключателя. Остальным продолжать поиски на своих участках.

— DZ, MU поняли.

— FT понял. Разрешите выслать разведывательный отряд для проверки.

— Разрешаю. Высылайте, — сказал начальник. — Не забывайте докладывать обстановку. Переходите на прямую связь.

Хватаясь за стволы, мальчик спускался с крутого склона, поросшего криптомериями. Глазам открылась крохотная поляна с одинокой крышей. Мальчик лег на живот и огляделся по сторонам. Там, где кончался лес, виднелась скалистая площадка. Он пополз на животе к краю обрыва. Внизу показалось несколько домишек, между которыми, петляя, бежала дорога. Перед домишками стояли палатка и два грузовика. По дороге, поднимая клубы пыли, приближалась колонна грузовиков с пехотинцами и боеприпасами. Мальчик выждал, пока грузовики поравняются с палаткой, и достал из вещевого мешка бинокль. Этот бинокль достался ему от студента, его начальника, когда тому разmozжило голову снарядом. Мальчик давно зарился на этот бинокль. Из-за него у них с мальчишкой из другой гимназии даже вышла потасовка. Тот тоже имел виды на бинокль, но ему тогда так досталось, что даже вспомнить страшно. Не начнись тогда атака, мальчишка наверняка применил бы оружие. А ведь двоих ребят расстреляли за применение оружия в драке. По приказу старшего лейтенанта, этой старой развалины. В гимназии он преподавал муштру. Там над ним вдоволь потешились, над этим лейтенантишкой...

В бинокль мальчик увидел немолодое багровое лицо американского офицера. Тот без умолку болтал, держа в зубах сигару.

Потом в глаза бросилась походная кухня. Она стояла рядом с большим сараем, перед которым прохаживался часовой. Очевидно, там хранились какие-то припасы. Из сарая вышел дру-

гой солдат без оружия. Он что-то нес, вероятно, продовольствие. Да, склад охраняется слабо, можно обойти его сзади и оттуда пробраться.

Мальчик отполз от края обрыва и лег навзничь, дожидаясь темноты.

Первый танк подбили одновременно двумя выстрелами из гранатомета и противотанкового ружья. Но заплатили за это гибелью второго, третьего и четвертого взводов: их в упор расстреляли снарядами и огнеметами.

Сжав зубы и захлебываясь от слез, мальчик стрелял из пулемета. Четыре танка, повернув башни, ударили из орудий по сопке. Гимназисты не кричали, сидели молча. Только некоторые вдруг выскакивали из укрытий и тут же падали замертво. Один с оторванной рукой тихо скулил. Кричать уже не было сил.

Тапки отступили. Дали команду прекратить стрельбу, и тогда стали слышны стоны раненых.

— Нужно отходить, — сказал младший сержант, уже побывавший на войне.

Боевых солдат среди них было только тридцать человек, включая артиллеристов.

Командир колебался, не зная, на что решиться.

— Заминируем шоссе и отступим. А то сейчас начнется артиллерийский обстрел, вот увидите, — уверенно сказал младший сержант.

Не успел он договорить, как на шоссе разорвался первый снаряд. Взвалив на спину раненых, стали отступать. Но было поздно. Плотная огневая завеса поднялась спереди и сзади. Лейтенант, стоявший на небольшом бугорке, взмахнул руками и исчез. Поднятые взрывами снарядов тучи песка и пыли мешали дышать.

Ничего не соображая, мальчик перебрался на ту сторону холма и стал скатываться вниз, на равнину.

Положение резко ухудшилось. Довольно быстро их отрезали от главных сил, и им оставалось только одно — отступать. Иногда, натолкнувшись на своих, устраивали ночной привал, но ненадолго: приходилось снова отходить. По шоссе на север тянулись нескончаемые потоки беженцев из самого большого в этом районе города О. Старики и старухи едва плелись, нагруженные домашним скарбом. Женщины с грудными младенцами за спиной вели за руку детей, поддерживали самых дряхлых и больных. Молодые мужчины при виде вооруженных людей опускали глаза, старались затеряться в толпе.

К концу сентября союзные войска создали предмостные укрепления на острове Сикоку, на юге острова Кюсю, на берегу Кудзюкури-хама и на полуострове Кий. В начале октября провели десантную операцию у Йоцукаити. Почти в то же время у бухты Цуру высадились две советские дивизии. 7 октября западнее долины Сэкигахара был сброшен американский парашютный десант. Американские линейные корабли, появившиеся в заливе Исэ, открыли огонь по району Нагоя. Было совершенно очевидно, что враг намеревается вклиниться в самый центр острова Хонсю и разделить его на две части.

Предугадав замысел противника, центральный и западный военные округа мобилизовали все силы, чтобы сорвать эту операцию. Сомкнувшиеся было части неприятеля удалось разъединить, но ненадолго. В то же время вражеские войска, высадившиеся в районах Канто и Кинки, шаг за шагом продвигались в глубь страны, а флот, обстреляв и разрушив форты Юра и Авадзи, очистил водные пути Кий, проник в Осакий залив, и вся береговая линия обороны оказалась под ударом. Войска, обороняющие Кинки, терпя поражение за поражением, быстро откатывались под натиском врага.

Две дивизии засели в горах Кий, у верховья реки Есино. В конце октября враг повторил попытку проникнуть в глубь страны с помощью парашютно-десантных войск.

К тому времени отряд Черной Сакуры уже состоял всего лишь из одного взвода и, отрезанный от главных сил, скитался в горах.

Наконец- то!.. Получена радостная весть: сумасшедший схвачен на участке VOOR 6877. Его задержали как раз в тот момент, когда он готовился совершить третье преступление. Он довольно быстро и легко признался, что назначил для своих преступных действий три основных пункта. В двух из них он орудовал беспрепятственно, в третьем его задержали.

— Благодарю тебя, боже! — произнес начальник департамента нелепую фразу. — Благодарю тебя за то, что ты оградил его от совершения ещё больших преступлений.

Сумасшедший! Но полно — сумасшедший ли он? При таком-то уме! При такой энергии! Разве не знания высшего порядка толкнули его на изыскание особых средств для осуществле-

ния своих преступных замыслов?... А если так, то можно ли назвать это преступлением? Разве он виноват, что его открытие определило духовный рост человечества? Всякое великое открытие есть предвосхищение духовного роста человечества и требует жертв. Только экспериментируя, то есть ошибаясь и исправляя ошибки, можно способствовать духовному росту человечества... Как это ни печально.

Наступила глубокая ночь. При тусклом свете звезд он соскользнул со скалы. Днем он заметил, что задняя стена сарая находится под обрывом. Если туда удастся пробраться, то, вероятно, нетрудно будет проникнуть в сарай. А если обнаружат — справа от шоссе тянется лесок, — со всех ног броситься туда. Главное, перебежать шоссе.

Затаив дыхание мальчик сполз с обрыва. В палатке горел свет, порой мелькали зажженные фары «виллисов». В темноте по площадке взад и вперед расхаживал часовой с автоматом. Когда часовой удалялся в противоположную сторону, мальчик осторожно, часто останавливаясь, полз к сараю. Наконец рука коснулась задней стенки сарая. Доски прибиты крепко. С трудом удалось отодрать конец одной доски, но сквозь узкую щель рука не пролезала. Часовой перестал ходить, закурил. Воспользовавшись шумом проезжающего грузовика, мальчик изо всех сил рванул доску на себя. Часовой насторожился, прислушался — ничего. В образовавшееся отверстие легко прошла рука. Пошарила. Нашупала деревянный ящик, руку ожгло прикосновение холодных металлических глыб. Видно, снаряды. Парнишка пошарил в другой стороне. Кончики пальцев прикоснулись к гранатам. Он с трудом вытащил две штуки — больше рука не доставала. Жратвы ника-

кой! Полный злости и отчаяния, он сунул гранаты в мешок и пополз назад. Взбираясь на обрыв, обрушил камень.

— Кто идет? — окликнул часовой.

При тусклом сиянии неба блеснули чёрное лицо и белые зубы — негр. Не давая противнику опомниться, мальчик выстрелил. По нелепой случайности пуля угодила в цель. Солдат-негр вскрикнул высоким, как флейта, голосом и, словно для молитвы, воздев руки к небу, рухнул. Его автомат упал, полоснув темноту ночи огненной очередью. Возле палатки заметались чёрные тени. Съежившись в комок, мальчик швырнул обе гранаты: одну — в сарай, другую в палатку, и перебежал на другую сторону шоссе. Раздались два глухих взрыва. Надо было убраться подальше, пока не взлетел на воздух сарай с боеприпасами. Сверху хлестнули пресекающиеся струи огня.

— Стой!

Очередью из автомата ему раздробило плечо. В тот же миг за спиной раздался оглушительный треск. Взрывной волной его подбросило кверху. Сознание застало туманом. Его тело, ударившись обо что-то, глухо шлепнулось на землю.

Веки тяжелей свинца. Мальчику казалось, что глаза открыты, но он ничего не видел. Мельтешили белые точки света.

Вернулось сознание. Небо было усеяно звездами. С двух сторон в небо вздымались рваные линии горизонта. Все тело ныло. Зудящая, обжигающая боль в плече. В горле пересохло. Левую щеку и лоб стягивала засохшая грязь, а может, и кровь.

Воздух звенел от неугомонных стенаний насекомых.

Мальчик лежал навзничь на крутом склоне обрыва, зацепившись за что-то. Сердце бешено колотилось. Ощувив тупую боль в правой ноге, попробовал пошевелить ею и не мог. Крик разорвал гортань. Сломана! Сломана! В затылке появилась тупая, холодная, приковывающая к земле тяжесть. Он глубоко вздохнул и снова устремил глаза в небо. И только теперь отчетливо осознал, что вот он, Ясуо Коно, пятнадцати с половиной лет от роду, погиб, защищая родину. При этом он уничтожил склад боеприпасов и вражеского офицера. Эта мысль явно доставила ему удовольствие, он усмехнулся. Для пятнадцати с половиной лет не так уж и плохо. Отец у него погиб, и мать погибла, и старший брат, и старшая сестра — все погибли. Теперь пришла его очередь — в этой горной глуши в единоборстве с противником погибнет и он. Японцы будут драться до последнего. Горы, леса и реки исчезнут под грудой трупов, земля пропитается кровью.

Левой здоровой рукой он потрогал раненое плечо. Оно было мокрое, липкое, но боли уже не чувствовалось. Эта сковывающая слабость тоже скоро пройдет. Мальчик пошарил у себя за плечами, рука нащупала последнюю гранату. Он зажмурился и весь покрылся потом. Вздохнул. В рюкзаке, под ним, был ещё и пистолет, но до него не дотянуться.

Не открывая глаз, мальчик зажал зубами предохранитель. «Должен же я что-то чувствовать», — подумал он, но в голову ничего не лезло. Сжимая зубами предохранитель, он в последний раз открыл глаза и взглянул на звездное небо. И вдруг, ощутив чье-то присутствие, последним усилием воли повернул голову.

Шагах в двадцати от себя он увидел тень. Судя по росту и облику, это был враг. Оружия у него не было.

— Подожди! — крикнул он мальчику. — Не бросай!

Станный акцент, с каким были сказаны эти слова, вызвал определенный рефлекс. Мальчик знал, что на двадцать шагов ему гранату не кинуть, и все же кинул. Граната упала рядом, шагах в пяти-шести от него. Он снова зажмурился в ожидании — сейчас его разорвет в клочья. Однако взрыва не последовало. Мальчик потерял сознание.

— Докладывает номер пятнадцатый из первого отряда бригады FT... затрещало в звукоприемнике, телеприем был невозможен из-за страшных искривлений во времени-пространстве. — Говорит номер пятнадцатый... Алло, Главный штаб, как слышимость?

— Слышимость нормальная, сообщите, как дела?

— Страшнее не придумашь... — голос пятнадцатого стал затухать. — В десантной операции с обеих сторон погибло сто пятьдесят тысяч... Слышите?

— Слышу, продолжайте.

— Потери повсюду огромны. В рядах японцев сражаются и гибнут подростки, почти дети. Алло, Главный штаб, примите срочные меры. Остатки японских частей сосредоточиваются в центральных районах острова Хонсю... Алло, вы слышите? С каждой минутой растет число самоубийств среди женщин и детей... Лежи, лежи, не шевелись... Что, больно?... Алло, Главный штаб! Докладывает номер пятнадцатый из передового

отряда бригады FT. Партизаны в западном и центральном районах продолжают бои без всякого расчета на победу.

— Алло! Пятнадцатый! — с беспокойством прервал начальник департамента. — Вы не один? Что это значит?...

— Видите ли...

— Вы нарушаете первый пункт устава!

— Но он ранен...

— Докладывает номер шестнадцатый из передового отряда, — перебил другой голос. — В промышленном районе Хансин восстали рабочие. Вы меня слышите? Восстанием руководят японцы, пользующиеся покровительством Советской Армии. Начались вооруженные стычки между разного рода рабочими группировками, а также выступление против японских и американских солдат. Поторопитесь, пожалуйста, с Д-переключателем.

— Алло, докладывает номер пятнадцатый из передового отряда... — на этот раз голос был едва слышен. — Часть японских войск перешла на сторону союзников. Давайте Д-переключатель.

Да, бесспорно, положение казалось хуже, чем можно было предположить. Что это? Неужели такая крохотная страна намерена бороться против всего мира? Это же самоубийство!

— Транспортная бригада! — вызвал начальник департамента. — Слышите? Транспортная бригада, немедленно сообщите свои координаты! Поторопитесь с переключателями! Дорога

каждая секунда, а то эти психопаты и в самом деле уничтожат себя!

— Докладывает транспортная бригада, — ответил бодрый голос. — Оба Д-переключателя доставлены в полюса указанных зон, приступаем к их установке.

— Группа E! Группа G! Всем бригадам вернуться и оказать помощь бригаде FT. Поторопитесь с установкой переключателей.

На участке XV-6517 действие разворачивалось в девятнадцатом веке, масштабы соответствующие, так что управится одна бригада QV. К счастью, третья попытка сумасшедшего осталась нереализованной. Так что можно сконцентрировать все свободные силы на участках LSTU и XV. В особенности в LSTU...

— QV, RW, — вызвал начальник. — Докладывайте, что у вас?

— Говорит QV. Переключатель получен. Пока изменений никаких!

— Ладно, действуйте по своему усмотрению, полагаюсь на вас! — Начальник обратился ко всем бригадам: — Всем отрядам поисковых групп перебраться на участок LSTU-3506. Помогите бригаде FT установить переключатель!

— Болит? — спросил незнакомец.

Мальчик открыл глаза. При свете звезд он увидел светлое прекрасное лицо незнакомца. Плечо было плотно забинтовано, но когда мальчик дотронулся до него, нащупал что-то упругое, похожее на резину.

— Хорошо бы тебе принять болеутоляющее, но я не медик: у меня с собой только средства первой помощи.

Мальчик с удивлением прислушался к странному акценту незнакомца. Происходило что-то необъяснимое. То незнакомец разговаривал с мальчиком, то пропадал, словно превращаясь в невидимку, потом опять появлялся. Мальчик вспомнил, что незнакомец пропал и в тот момент, когда он бросил гранату. Потом возник совсем рядом с ним и снял шлем.

Из-за скалы выглянул месяц. При его свете мальчик увидел красивые золотистые волосы незнакомца. Он посмотрел мальчику в глаза и улыбнулся.

— Убей! — пробормотал мальчик.

Лицо незнакомца вытянулось от удивления.

— Убей меня! — повторил мальчик.

Боли он не чувствовал, но все равно жить не хотелось, особенно после всего случившегося.

Незнакомец склонился над ним и ласково сказал:

— Я же тебя спас.

Мальчик пристально взглянул на незнакомца, и лицо его осветилось догадкой.

— А-а-а, понимаю: вы немец. Верно? А то думаю, зачем вы меня спасли?

Мужчина слегка покачал головой.

— Нет, я не гитлеровец.

— Кто же вы?

— Я из Службы времени, — ответил тот. — Хотя тебе этого все равно не понять.

Послышались голоса. По небу скользнул луч прожектора.

— Плохо, — пробормотал незнакомец. — Придется отступить. Не сочтут же нарушением устава перемещение с одного места на другое.

— Махни на это рукой, — сказал чей-то тихий голос.

Мальчик повернул голову и посмотрел туда, откуда донесся голос, но никого, кроме золотоволосого незнакомца, вблизи не было. Незнакомец взял мальчика за руку. Раздался щелчок, похожий на звук откупориваемой бутылки. Взор застлало серой пеленой.

— Хочешь знать, кто я? — спросил незнакомец.

Они очутились над обрывом и смотрели сверху на то место, которое только что оставили. Это произошло в мгновение ока, точно во сне, мальчика даже слегка поташнивало.

— Скажи тебе — ты все равно неверишь...

Мальчик задумался, не в силах понять, почему это он не поверит, и только сказал:

— Главное — друг вы или враг?

Мужчина задумчиво почесал в затылке. Вопрос был настолько наивен, что он просто пришёл в умиление.

— На это ответить ещё труднее. Дело в том, что я никакого отношения не имею к вашей эпохе.

Мальчик, видимо, решил, что у того мозги не в порядке.

— Почему ты не дал мне умереть? — сурово спросил он.

— Мог ли я поступить иначе? — ответил тот. — Если бы мы обнаружили ваше время часа на два раньше, тебя бы вообще не ранили. Разумеется, при условии, что мы с тобой встретились.

— Что ты собираешься со мной делать? — снова спросил мальчик. — У меня сломана нога, плена мне не избежать. Сделай милость: убей меня!

— Почему ты так торопишься умереть? — спросил мужчина, в недоумении разведя руками. — Я не понимаю, что вы тут затеяли, но через пять часов этот мир все равно исчезнет.

Мальчик тряхнул головой. Какая ерунда! Мальчику было наплевать, исчезнет мир или нет, — так или иначе его ожидала смерть.

— Пожалуй, я выразился неточно. Мир не исчезнет, а войдет в свою историческую колею.

— А мне плевать! — запальчиво выкрикнул мальчик. — Помоги мне добраться до своих или убей. А впрочем, можешь оставить меня здесь!

— Ну и оставлю! — вспыхнул мужчина. — Безумный мальчишка!.. А я — то думал, что японские гимназисты этой эпохи смысленнее. Я и так нарушил устав, вступив с тобой в контакт! Прощай! Я ухожу.

— Стой! — крикнул вдогонку мальчик и, проведя рукой по воротнику, нащупал на петличке значок чёрной сакуры, оторвал его и протянул мужчине: — На, возьми! Если встретишь по дороге наших, скажи, что Ясуо Коно из 1077-го отряда Черной Сакуры был тяжело ранен и не мог покончить с собой, но живым в плен не сдастся.

Мужчина поглядел на мальчика долгим проникновенным взглядом и мгновенно исчез. Значка чёрной сакуры он не взял. На глазах у мальчика выступили слезы. Какой позор — не суметь умереть! Собрав последние силы, преодолевая боль, мальчик перевернулся на живот, орудя одной здоровой рукой и одной ногой, пополз к краю обрыва и бросился вниз. Если упасть на скалу с десятиметровой высоты, вполне можно разбиться... Но его подхватили в воздухе.

— Брось свои дурацкие штучки! — взмолился мужчина. — Не дам я тебе умереть у меня на глазах. Послушай, я тебе все объясню, только дай мне слово, что перестанешь искать смерти... Пойми: сражения, в которых ты участвуешь, ненастоящие.

— Как это ненастоящие?

Ясуо, снова водворенный на скалу, со злостью накинулся на мужчину:

— Мы участвуем в исторической битве! Что же тут настоящего? Мы сражаемся против этих хищников, американцев и англичан, и погибнем все до одного — сто миллионов человек. Знаешь, как разбивается яшма? Вдребезги! Так же и мы. С нами его величество!.. Подданные японской империи до конца дней своих останутся верны чувству долга и справедливости. Что же тут настоящего?...

— Пожалуй, «настоящее» — это не то слово, — неторопливо прервал мужчину и тряхнул головой. — Я хотел сказать — все это неправильно. Потому что на самом деле в ваше время Япония безоговорочно капитулировала. Пятнадцатого августа. По рескрипту, подписанному императором.

— Что? Что ты сказал? — У Ясуо загорелись глаза. — Япония капитулировала?!

— Но ведь так было на самом деле — это история.

Мужчина снял шлем и пригладил золотистые волосы.

Далеко в небе мерцала Полярная звезда, она переместилась. Стояла глубокая ночь. Мальчик взглянул в лицо мужчины. Оно было необыкновенно добрым.

— Ты хочешь сказать, что наша война несправедливая? — с издевкой спросил мальчик. — Моя мать проткнула себе кинжалом горло. Все мои товарищи погибли. Все японцы — женщины, старики, дети — сражаются до последней капли крови. Я убил много американских солдат, теперь сам умираю... И после этого ты осмеливаешься говорить, что все выдумка?

— Я не сказал — выдумка, — с состраданием возразил мужчина. — Я хотел сказать — придуманный ход истории. На самом деле все у вас было совсем не так.

— Ну что ты понимаешь в нашей истории? По-твоему, лучше было капитулировать, да? — почти крикнул Ясуо.

Вдруг над обрывом вспыхнула ракета и упала, просвистев над головой.

Мужчина ладонью прикрыл мальчику рот.

— Подлец! Шпион! Рыжая сволочь!.. Что ты понимаешь!..

— Молчи! — сказал мужчина. — Какой ты бестолковый мальчишка! Неужели тебе не ясно, что лучше всего было капитулировать пятнадцатого августа?

— Чем же лучше? — заскрежетав зубами, гневно спросил Ясуо.
— Кто тебе дает право так говорить?!

— Никто. Просто история должна быть такой, какой была на самом деле. Ход истории един. А если история выходит из своего правильного русла, наш долг её туда вернуть, иначе это нарушит ход всемирной истории.

— Но кто вам дал на это право? — злобно повторил Ясуо. — Разве ты поймешь, за что я воюю, за что умираю?... Я горжусь тем, что умираю за императора... А ты готов все это разрушить!

— Почему «разрушить»? Исправить! — горячо возразил мужчина. — Пойми, что с ликвидацией неправильного хода истории исчезнет и неправильное осмысление событий. Понимаешь?

Человек не может ратовать за собственное уничтожение. Он не ищет уничтожения. Наоборот, боится его.

— Значит, в то, другое время Япония капитулирует?... — с сарказмом произнес мальчик. — А я что же? Я-то ведь все равно покончу с собой!

Мужчина взглянул на него строго, точно намереваясь принять какое-то важное решение.

— Не все ли равно, покончишь ты с собой или нет, — ответил он немного погодя. — Пусть так. Но ведь то, что ты называешь «другим временем», все равно существует, а это время, где ты собираешься умереть в пятнадцать лет, само умрет через четыре часа. И ты ничего не вспомнишь, что было здесь. Эх, так и быть, сделаю ещё одно нарушение: покажу тебе твою настоящую жизнь.

Мужчина взял мальчика за руку и сказал:

— Я не уверен, что разыщу тебя, но попробую. Где ты жил? Где учился?

Мальчик сказал. В следующий миг его глаза снова застлало туманом. Когда туман рассеялся, он увидел перед собой мрачную картину. Черные и коричневые развалины — следы пожаров и бомбежек. Он сразу узнал местность — это были здания, прилегающие к гимназии. Рядом высился и её обгорелый корпус.

Ясуо не помнил, чтобы когда-нибудь перед станцией железной дороги слонялось столько грязных оборванцев. Расстелив на голой земле рогожки, они торговали едой и всяким хламом. Тут были бататы, ириски, галеты, кастрюли, сковород-

ки. Неопрятно одетые мужчины с землистыми лицами снова-ли взад и вперед, держа в руках дырявые мешки. Вдруг появились ребята с гербами их гимназии на фуражках. Разговаривая между собой, гимназисты с жадностью поглядывали на еду.

И среди ребят — он! Без обмоток на ногах, в таком затрапезном виде! Промчался «виллис». Ребята помахали ему вслед. Водитель, американский солдат, бросил им пакетик жевательной резинки. Гимназисты набросились на неё.

— Подлец! — крикнул Ясуо. — Разве такое можно стерпеть!

— Ты не торопись, — утихомирил его мужчина.

По улице, едва прикрывшись каким-то тряпьем, расхаживали под руку с американскими солдатами японки... Издалека надвигалась толпа. Впереди несли красное знамя. Мужчины с решительными лицами пели: «Вставай, поднимайся, рабочий народ!»

— Разве Японию заняли красные? — спросил мальчик.

Мужчина покачал головой. Картина снова сменилась. Над потоком демонстрантов реяли полотнища лозунгов. «Эй, взяли! Эй, взяли!» — раздался дружный крик, и демонстранты побежали зигзагами. И вдруг впереди демонстрантов мальчик снова увидел себя, на этот раз студентом.

Не вынеся этого, он закричал:

— Это подлость!

И вновь картина сменилась. На этот раз он гулял с девушкой вечером в парке. Он не поверил собственным глазам. Вдруг все исчезло.

— Это преступление! — сказал светловолосый. — Нельзя сидеть сложа руки! Мне сообщили, что Америка приготовила третью атомную бомбу. С Марианских островов уже вылетел самолет Б-29.

Он появится над Синсю. Начальник департамента приказал переключить установку преобразователя времени через полчаса. Надо устранить этот мир до взрыва третьей атомной бомбы. Нельзя нагромождать одну трагедию на другую. Прощай!

— Постой! — крикнул мальчик ему вслед. — Перенеси меня в Синсю. Я хочу умереть там, где его величество...

Мужчина в недоумении пожал плечами и взял мальчика за руку. Глаза застлало серой пеленой тумана... На этот раз мальчик почувствовал резкий толчок. Он шлепнулся в траву, тронутую первым налетом инея. Перед его мутным взором поплыли уходившая вдаль горная цепь с её острыми зазубренными вершинами на фоне безоблачного неба. Сознание медленно угасало.

Он понял, что умирает. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног. Только ощущал зудящую легкую боль в ране, точно по ней водили волоском. Этот зуд все удалялся, удалялся и отступил куда-то далеко, за много километров. Холод смерти подступал снизу — от ног, подбирался к животу, полз выше, готовясь завладеть сердцем. Мелькнула мысль: человек начинает умирать с ног. Раз-два-три волна мрака захлестывала сознание,

а когда в промежутках оно возвращалось, мальчик видел горы и небеса, безмятежные, словно поверхность огромного озера. Он лежал на траве и глядел, как там, наверху, точно примерзшие к небосводу, сияют тусклые звезды.

Из горла вырвался предсмертный хрип. И Ясуо понял — конец. И вдруг он вспомнил, что забыл исполнить последний долг: собрав последние силы, хотел крикнуть: «Его величество банзай!», как вдруг перед глазами пронеслись недавние видения. Япония потерпела поражение! Нет! Глупости! Этого не могло быть... Но страшные мысли о возможности такого исхода, словно призраки, роились в сознании. И он опять собрал последние силы, чтобы бороться уже с этими мыслями. Ведь это же чудовищно — на пороге смерти потерять веру в Японию! Нет, нет, это невозможно! Иначе его смерть и смерть всех японцев окажется бессмысленной... Эта внутренняя борьба поглотила все его силы. Он уже не мог крикнуть: «Его величество банзай!» Он решил провозгласить эту здравицу в душе. Однако им завладела ещё более неуместная и дурацкая мысль: «Куда я дел значок чёрной сакуры? Я держал его в руке и...»

Перед Ямамото, начальником департамента особого управления по розыску во времени, сидел сумасшедший, доставленный из далекого иномерного временного пространства. Желтоватая кожа, орлиный нос, чёрные волосы... Из-под нависающего лба класса «экстра-1» умственных способностей глядели глаза страстного, почти одержимого человека. Бросало в дрожь при мысли об умственном потенциале этой феноменальной личности. Безумие и власть при исключительной гениальности — истинный князь тьмы!..

— Как вы решились на такой чудовищный поступок? Во имя чего? начальник департамента говорил вежливо; сидящий перед ним человек все же был доктором наук. — В практике нашего департамента особого розыска во времени вы — первый настоящий преступник против истории. Будем надеяться, что и последний тоже... Так ответьте, зачем вы это сделали?...

В департаменте особого розыска было зарегистрировано немало нарушений во времени. Большей частью преступники пытались своим вмешательством изменить ход истории. Однако чаще всего это были маньяки, фанатики и люди, умственно неполноценные. Фантазии у них хватало только на то, чтобы отправиться в прошлое, убить какую-нибудь историческую личность... Например, один из преступников, начитавшись Паскаля, решил изуродовать нос Клеопатры. Он даже понятия не имел о том, что Клеопатр может быть несколько. Или, скажем, другой, который убил Наполеона ребенком. А ведь ещё в XIX веке Жан Батист Перес отрицал существование Наполеона. Ну что дало убийство Наполеона? Ровным счетом ничего: появился другой Наполеон, который и стал императором. Свойство Неопределенности Частных Фактов (коэффициент НЧФ Симса) при неизменяемости исторических событий прошлого исключало возможность преступлений против истории.

Однако открытие субпространственного способа космонавигации, позволявшей скачкообразно передвигаться в разномерные пространства, дало такую возможность. Соединение установки переключения измерений с машиной времени допускало создание желаемого числа ходов истории одной и той же эпохи. Первым указал на эту возможность доктор Адольф фон Кита, молодой ученый из Института истории. Однако по-

скольку это открытие сделал человек гуманитарной специальности, физики не придали ему значения и тем самым не учли той опасности, которую оно в себе таило.

Лишь инспектор департамента особого розыска Инри Вовазан заинтересовался этим открытием. И тотчас подал о нем рапорт, где, между прочим, указывал, что доктор Адольф фон Кита — натура импульсивная, склонная к действиям атавистического характера — состоит членом некоей тайной организации; в области исторических наук доктором открыта весьма оригинальная теория о возможности изменения ходов истории...

И вдруг из галактики Поллукса, откуда с давних пор велись наблюдения за иномерными пространствами, было получено сообщение о появлении в иномерном пространстве Солнечной системы. Благодаря бдительности инспектора Вовазана департамент принял все меры предосторожности.

— Ответьте, пожалуйста, на вопрос, — снова сказал начальник департамента. — Вас не удивило, что мы вас так быстро нашли?

— Я предпочел бы, чтобы меня не тревожили, — спокойным голосом проговорил сумасшедший.

— Увы, простите, это невозможно, — возразил начальник департамента. Нельзя нарушать основной ход истории.

— Ну вот ещё! — закричал сумасшедший. — По какому праву вы судите?

Пятнадцатый, стоявший возле начальника, вздрогнул. Это были слова того мальчика.

— Скажем... — начальник на мгновение прикрыл глаза, задумался — ...с нравственной позиции.

Сумасшедший расхохотался.

— Теперь мне ясно, — сказал он. — В деле, которое вы на меня завели, написано: маньяк, поклонник тиранов и героев-разрушителей. Опынен самурайской моралью, существовавшей в Японии примерно с десятого века. Темы научных работ: Калигула, Нерон, сын Люй-цзы император Ши, Цезарь Борджиа, Робеспьер, Наполеон, Гитлер. Последняя тема работы из истории Японии.

— Почему вы выбрали Японию? — спросил начальник департамента. — Принесли победу войскам сегуната в реформации Мейдзи, применили тактику выжженной земли в войне сороковых годов двадцатого века... Были у вас какие-нибудь особые основания для такого выбора?...

— Первый опыт, так сказать, проба сил, — ответил маньяк. — И потом я хорошо осведомлен об этом времени... Но, главное, во мне течет японская и немецкая кровь. Хотелось проэкспериментировать здесь, потом приняться за другое...

У начальника департамента потемнело лицо. Если бы этому психу удалось создать несколько ходов истории, то в корне изменилась бы мораль и система современного мира.

— В мои планы входило: принести победу нацистам на европейском фронте с помощью атомных бомб и ФАУ; в Америке принести победу на президентских выборах не Франклину Рузвельту, а более прогрессивному кандидату Уоллесу; а в

послевоенной Франции и Италии предоставить власть коммунистам...

Доктор фон Кита перечислял, загибая пальцы.

— Ну, зачем вам это! — не выдержав, крикнул пятнадцатый. — Для чего столько перемен в двадцатом веке? Вы знаете, сколько это породит новых трагедий? Я вам могу рассказать про одного пятнадцатилетнего мальчика, которого там встретил...

— Трагедия?! — у доктора загорелись глаза. — А разве бывает история без трагедий? Вопрос в том, что человечество получает, пройдя через эти мучительные испытания. Во второй мировой войне погибли десятки миллионов людей, почти половина из них — зверски замученные евреи. Но ведь вы не знаете, каким стал бы мир, если бы тогда действительно были уничтожены десять процентов людей! Понимаете ли вы, к чему привела тогдашняя половинчатость? Вот тысяча лет прошло с тех пор, а ведь человечество ещё не освободилось от своих язв.

Доктор стукнул кулаком по столу и вскочил — теперь это был действительно сумасшедший. Его воспаленные глаза дико горели, в уголках губ выступила пена.

— Жертвы принесены, а я вас спрашиваю: где польза? Такая история бессмысленна. Двадцатый век оказал влияние на последующие века именно своей половинчатостью. Оппортунизм в мировых масштабах. Короче говоря, жертвы, принесенные во второй мировой войне, оказались бесполезными. Человечество, испугавшись ужасов, которые само изобрело, побоялось идти путем трагедий и пошло на компромисс. В

Японии рескрипта императора оказалось достаточно, чтобы все подняли руки. А что они в результате получили?

Инспектор Вовазан переглянулся с начальником департамента, и тот понимающе кивнул.

— Японии следовало понести большие жертвы, но все же вырвать у истории что-нибудь по-настоящему дельное. Ведь на протяжении долгих веков она только и делала, что страдала. Какая же разница! Так не лучше ли пойти на самоуничтожение, применить тактику выжженной земли? Не лучше ли, чтобы государство, именуемое Японией, вовсе перестало существовать? Погибло бы одно государство, зато родился бы новый Человек, проникнутый сознанием космической солидарности. В истории есть такое положение: «Превратить империалистическую войну в гражданскую». Когда вы меня обнаружили, в Японии как раз вспыхнуло восстание рабочих.

— Доктор... — тихо вмешался инспектор Вовазан, — насколько нам известно, вы несколько раз побывали в Японии той эпохи, чтобы изучить её историю?

— Ну и что? — воскликнул сумасшедший.

— Разве вам неизвестно, что пункт первый правил водительства машины времени запрещает ездить в одну и ту же эпоху несколько раз подряд? В результате длительного пребывания в иновременных условиях наступают нежелательные мозговые изменения. Возможна потеря памяти и даже психическое заболевание.

— Вы хотите сказать, что изучение японской истории сказалось на моей психике? — спросил сумасшедший, осклабившись.

— Нет, я хочу сказать, что вы рассуждаете, пожалуй, как некоторые японцы той эпохи.

— При чем тут та эпоха? Мой метод годится для любой эпохи и любой страны, — раздраженно возразил доктор. — Почему бы не изменить ход истории, если это осуществимо? Можно же создать несколько параллельных и независимых друг от друга ходов истории? Это принесет только пользу! Если человечество может испробовать безграничное число возможностей, зачем ему ограничиваться одним-единственным историческим вариантом? Право всегда дается возможностью. Если мы можем, мы вправе выбрать лучший вариант исторического события. — Сумасшедший воздел руки к небу. — Я освободил человечество от неизбежности истории!

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил начальник департамента. — Ваша мания сама есть продукт исторической обусловленности.

— Мания?! — с издевкой переспросил сумасшедший. — Да где вам это понять!

— Наша эра давно отказалась от такого подхода к истории, — спокойно возразил начальник департамента, барабанив пальцами по столу. Человечеству он не нужен, ибо, только живя в истории, которая едина и неизменяема, человек остается человеком. Человек отказывается от многих исторических перспектив в интересах самосохранения, — начальник департамента усмехнулся. — Даже таких рационалистических, как,

например, поедание друг друга... Человек отказался от хирургической операции, дающей ему вечную жизнь. Отказался от пересадки человеческого мозга в машину...

— Вы консерваторы! Вы и есть преступники против истории! — закричал сумасшедший в гневе. — Вы лишили человечество его безграничных возможностей!

— Для того, чтобы сохранить вид, именуемый человеком, — отвечал начальник департамента. — История — это монолитный процесс, она не нуждается в различных вариантах. Только при сохранении её монолитности каждая данная эпоха будет иметь свою, соответствующую ей культуру. В условиях же многообразия исторических течений человек перестанет понимать самого себя. — Начальник обернулся и взглянул на хроноскоп. Нравственность нашей эры заключается в том, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Она сильно напоминает мораль, существовавшую несколько десятков веков назад... Очевидно, возврат к старинной нравственности происходит в силу исторической необходимости...

— Идемте, — сказал инспектор Вовазан, беря доктора за локоть.

— Итак, в Суд Времени?

— Нет, в больницу, — спокойно поправил инспектор. — На психиатрическую экспертизу. Я уверен, что вам удастся избежать судебного наказания.

— Вопреки очевидности вы подозреваете меня в идиотизме?

— Мне неприятно говорить вам об этом. Но, вероятно, в связи с частыми путешествиями во времени у вас произошло смещение исторического сознания.

— Ну, знаете ли! Я же историк. Я просто увлечен конкретной исторической эпохой.

— Не в этом дело, доктор, — мягко улыбнулся инспектор. — Дело не только в том, что вы рассуждаете как человек двадцатого века. Это можно было бы отнести за счет сильной впечатлительности... А вы действительно считаете себя нормальным?

— Что за вопрос?

— Вот это мне и хотелось знать. В разговоре с начальником департамента вы обмолвились, что раны двадцатого века скажутся на современности даже теперь, спустя тысячу лет. То есть вы мыслите и чувствуете как человек тридцатого века... Но ведь со времен второй мировой войны прошло не тысяча... а пять тысяч лет...

— Яч-чя-ян!.. Ясухико-чян! — прозвучал женский голос.

Жена звала ребенка. Ясуо закрыл книгу. Он как раз прочел «Обнаруженное время», главу из книги Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Он мечтал об этом ещё со студенческой скамьи. Ясуо развалился на траве.

Над головой простиралось бездонное голубое небо. Веял прохладный осенний ветерок. От его прикосновения по телу пробежал озноб. Это было плоскогорье Сига.

Послышались голосок трехгодовалого сынишки и звучный альт жены. Голоса приближались. Ясуо слушал, прикрыв глаза.

Мир на земле! Свет в небе!..

Сейчас к нему направятся маленькие ноги и в лицо уткнутся нежные, пахнущие молоком губы. Притворившись спящим, он ждал.

Впервые после шести лет работы в фирме выдался спокойный отдых. Но завтра он снова пойдет на работу. Кончилось лето.

Опять послышались голоса жены и сына.

— Брось! Ясухико-чан! Фу! Бяка! Брось! Ты слышал, что я сказала?

— Не-е-ет! — ответил упрямый ребенок.

Упрямством мальчик пошёл в него. Ясуо невольно улыбнулся. Послышался топот ножек, из травы вынырнула круглая головенка, и сынишка разжал кулачок.

— На, папочка!

Улыбаясь, Ясуо взял из рук мальчика какую-то круглую маленькую пластинку из эбонита.

— Ясухико-чан нехороший! Не слушается маму... Ясуо, что он там нашёл?

Ясуо стер с пластинки присохшую грязь, появился рисунок.

— Какой-то значок, — ответил он жене. — Значок в виде цветка сакуры.

— Не может быть! Какой сакуры? — рассмеялась жена. — Разве сакура чёрная?

И вдруг он сжал в кулаке значок, точно вспоминая о чем-то. На мгновение, всего лишь на мгновение, темные глубины сознания сковал ледяной холод. Все кругом потускнело, словно небо заволочло тучами. И все, что его очаровывало: высокое чистое небо, отдых в кругу семьи, он сам и все окружающее — показалось таким серым, темным, позорным, словно от него исходило зловоние.

Но это длилось всего лишь мгновение. Ясуо вернул значок малышу, поднял мальчика высоко в небо.

— Ну, пошли в гостиницу. Пора обедать.

— Я хочу есть, — торжественно произнес малыш.

— А завтра поедем домой. Хорошо?

— Папочка... красное, красное...

Вдали опускалось огромное багряное солнце.

Муж, жена и ребенок — все втроем запели: «День кончается пламенем алой зари... Мир — земле!..»

— Ясухико-чан, дай мне, я это выброшу!..

— Это бяка... Выброшу...

Маленький чёрный значок, брошенный детской рукой, полетел в траву, пересекая багровый диск заходящего солнца.

— Бай-бай! — кричит малыш.

«Звонит колокол в храме на горе...»

МИР — ЗЕМЛЕ!

oo o oo